

Александр Сергеевич

Мой Монстр

Александр Малышев

Мой монстр

<https://litres.ru/74638907>

SelfPub; 2026

Аннотация

На переднем плане — мальчик лет 12–13 (Андрей), вид со спины, он стоит у старой подъездной двери в типичном дворе панельного дома. Он не смотрит на зрителя, будто боится обернуться. На нём простая школьная куртка, плечи чуть опущены, поза напряжённая. За ним, в полутени лестничного пролёта, нависает высокий монстр в тёмном плаще и шляпе; силуэт размытый, будто соткан из теней. Лицо монстра едва различимо — только глубокие тени под полями шляпы и два холодных светящихся глаза. Цветовая гамма приглушённая: сероголубой, пыльнокоричневый, чёрный; единственный яркий акцент — рыжий блик на волосах мальчика. Атмосфера тревожная, давящая, будто воздух тяжёлый. Стиль: реалистичная цифровая иллюстрация с кинематографическим светом, лёгкая зернистость, как на плёнке.

Александр Малышев

Мой монстр

Глава 1 Мой Монстр

Это история начнётся с того, как я в очередной раз пришёл побитый из школы. Куртка на плече надорвана, на локте царапина, которую я нарочно прикрываю рукавом, чтобы дома не заметили сразу. Меня не принимают ни в одну компанию, девчонки нет, надо мной смеются — и каждый раз этот смех бьёт так, будто я снова стою у доски, забыв всё, что учил.

И это моя история. Я хочу её вам рассказать — про то, как я допустил ошибку, роковую для всей моей жизни. Не из злости, не ради силы, а просто потому, что в тот вечер мне хотелось, чтобы хоть кто-то был на моей стороне.

Меня зовут Андрей, мне четырнадцать лет. Ростом под метр семьдесят, лицом не очень вышел — сам знаю. Девчонки нет. Друзья есть, но тоже как есть: кто-то вроде и кивает при встрече, а потом я слышу, как они плохое говорят за моей спиной. Не все, конечно, но хватает и пары слов, чтобы весь день казался испорченным.

Что могу сказать про свою семью... Тут слов нет. Просто алкаши, пьют без перебора. Отец ворует металл где придётся, сдаёт его, а вырученное тут же несёт за очередной чекушкой, чтобы «зарядиться». Он приходит домой шумный, буд-

то пытается заглушить тишину, которая тут висит, как тяжёлый запах старого табака. А мать... Ну, она работает, устаёт, а потом садится рядом с отцом и тоже выпивает. Не потому что хочет, а будто так положено: вечер, усталость, бутылка на столе.

Так что опоры нет. Как и семьи. Есть только стены, которые знают все наши ссоры, и кухня, где никто не спрашивает: «Ты как? Тебя кто-то обидел?»

В тот вечер я не стал заходить на кухню. Прошёл мимо, будто меня тут и нет. Закрылся в своей комнате, сел на край кровати и достал старую ручку — ту, у которой колпачок треснутый, а чернила всегда текут. И вот тогда капля упала на листок. Просто капля. Но в ней вдруг оказалось больше смысла, чем во всех словах, которые мне говорили за день.

А до этого был ещё тот день, когда всё будто навалилось разом. Я снова шёл в школу, и на пути попались местные хулиганы. Они обзывали, не давали уйти, толкали, будто я вообще пустое место. «Дрищ»,

«глист» — эти слова прилипали, как жвачка к подошве, и никак не отдирались. На физре я всегда стоял самым последним, даже девчонки не ставили меня в свой круг, не заглядывались. В какой-то момент во мне столько боли накопилось, что мелькнула мысль о том самом — о виселице, так сказать. Но я отказался от этой идеи. Не потому что стало легче, а потому что внутри что-то дёрнулось: «Нет, не сейчас».

На следующий день ко мне снова докапались в коридоре, и я всё это стерпел. Просто стоял и терпел, потому что знал: если отвечу, будет только хуже. Вечером я поднялся на небольшую горку за посёлком — туда, где никто не ходит. Встал и закричал в небо: «Почему я? За что мне такие наказания вы посылаете?!» В ответ прогремел гром, сверкнула молния и ударила в старое дерево. Оно вспыхнуло, будто само небо решило мне ответить. Я стоял и смотрел, как огонь лижет кору, и вдруг понял: этот мир и правда жёсткий, но он хотя бы что-то делает, он не молчит.

Когда я вернулся домой, в груди всё ещё гудело от этого грома. Я сел, взял ту самую ручку и начал просто водить по тетрадному листу в клетку — без цели, без смысла. Линии путались, а потом чернила потекли, и получилась клякса. И в этой чёрной кляксе вдруг проступило что-то похожее на монстра. Я не хотел ничего придумывать — оно само сложилось.

Я посмотрел на рисунок и прошептал: «Пусть он будет всегда со мной. Пусть никогда не уйдёт». В этих словах не было магии — я просто очень хотел, чтобы хоть кто-то не бросал меня одного.

Никто меня не контролировал. Ночью я тихо взял лопату у бати — она стояла в углу сарая, холодная и тяжёлая, с облупившейся деревянной ручкой, которую отец вечно собирался починить, да всё не доходили руки. Я вышел во двор, и воздух был такой сырой и плотный, будто ещё держал в себе

остатки грозы. Капли с мокрых досок падали редко, но звонко, и каждый звук казался слишком громким. Земля возле того самого дерева, в которое ударила молния, была рыхлой и тёмной, будто сама ждала, что в неё что-то положат. Она будто сама принимала этот листок — я вдавил его в мокрую глину, присыпал сверху, утрамбовал лопатой, и даже показалось, что земля чуть вздохнула, принимая мою клятву. Я ничего не сказал, просто убежал домой, поднялся по скрипучим ступеням, лёг на кровать, натянул одеяло до подбородка — оно пахло стиральным порошком и чем-то родным, почти забытым, — и закрыл глаза, надеясь, что если не видеть мир, то он не сможет сделать мне больно.

На следующее утро я проснулся с хорошим настроением. Выспался, и на секунду показалось, что всё будет нормально, будто вчерашний вечер мне просто приснился. Я открыл глаза, закричал:

«Дома!» — и тут же понял, что я один. Тишина в комнате была не доброй, а какой-то насторожённой, будто дом сам знал, что ночью что-то изменилось. А потом я увидел: рядом с кроватью, спиной ко мне, стоит кто-то. Мужик, здоровый, в чёрном плаще и шляпе, и от его неподвижности становилось особенно жутко — он стоял так ровно, будто вообще не дышал.

Я отбежал в угол и замер, прижимаясь спиной к холодной стене, где обои чуть отходили и царапали кожу. Не хотел говорить ни слова — только чтобы он сам повернулся. И он

обернулся.

Честно, я испугался. Его глаза были большими и белыми, совсем без зрачков, а ресницы шли, как лучики от солнца — ровные, тонкие, будто нарисованные тушью. Улыбка была ровной, слишком правильной, зубы белые, и от этой идеальной улыбки становилось страшнее, чем от любого оскала. Он протянул руку. Пальцы длинные, неестественно вытянутые, на руке перчатка из тёмной кожи, которая будто поглощала свет. Я не хотел, но всё равно пожал её — и тут же быстро убрал, будто боялся, что он её сожрёт, и рука останется у него навсегда.

— Ты мой друг, — сказал он спокойно, будто это самый обычный факт, который и обсуждать не стоит. Потом подошёл к стене, достал тот самый рисунок, где я нарисовал его в шляпе и костюме, и прилепил. Рисунок держался, хотя ничем не был закреплён — ни скотчем, ни кнопкой, вообще ничем, просто прилип к штукатурке, будто сам хотел там быть. А потом монстр просто исчез, и в комнате снова стало тихо, но теперь эта тишина звенела, как натянутая струна.

А в школе в тот день было непривычно тихо. Те самые хулиганы, из-за которых я и нарисовал эту кляксу, не пришли. Никто не толкал, никто не обзывал «дрищом» и «глистом», даже в коридоре было как-то пусто, будто кто-то стёр их с карты школы. На секунду я даже обрадовался: наконец-то они отстали, мир будто стал чуть безопаснее, и можно просто пройти по коридору, не втягивая голову в плечи. Но эта

тишина была не доброй, а какой-то пустой, как комната, из которой вынесли всю мебель, и теперь в ней гулко и неуютно. И где-то внутри шевельнулось нехорошее чувство: «А вдруг это из-за меня?» Я остановился у окна, посмотрел на двор, где ребята смеялись и кидали друг другу мяч, и вдруг понял: их смех звучит как-то неправильно, потому что среди них нет тех, кто меня мучил. И от этого мне стало не легче, а тяжелее.

В школе я подошёл к своим одноклассникам, и рядом со мной вдруг появился мой новый друг. Я даже не заметил, как он возник — просто в ту секунду, когда я уже собирался сказать что-то обычное вроде «привет», он уже стоял чуть сбоку, в своей шляпе, будто так и надо, будто он всё это время там и был, а я просто не видел.

Ребята увидели его — и офигели. Их лица в один миг стали одинаковыми: глаза распахнуты, рты чуть приоткрыты, будто они одновременно забыли, как дышать. Они смотрели только на него, на меня вообще не обращали внимания, будто меня и не было, будто я стал прозрачным от того, что привёл с собой эту странность.

— Вот, это мой новый друг, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не дрожал, как хотелось. Он улыбнулся, и из-за его зубов потекла какая-то чёрная жидкость, похожая не на кровь, а на густые чернила, будто улыбка была нарисована, а теперь стиралась. Он протянул руку, и ребята с осторожностью, едва касаясь, пожали её — будто боялись,

что их пальцы прилипнут. А потом они разбежались. Звонка ещё не было, но они куда-то рванули все сразу, будто за ними гнался не один монстр, а целая толпа, и коридор, только что полный голосов и топота, вдруг стал пустым и гулким. А мы просто пошли домой. И знаешь, я уже почти привык к нему. даже с таким странным другом можно дружить, если он не отталкивает тебя, если не смотрит на тебя так, будто ты пустое место. И он правда будто старался быть нормальным: чуть дальше по улице мы увидели кошку, которая сидела на дереве и жалобно мяукала, цепляясь когтями за кору. Черничник снял её, аккуратно, почти бережно положил под плащ, но из-под ткани всё равно быстро вытекла та самая чёрная жидкость — она скользнула по доскам тротуара и исчезла в щели между ними, будто её и не было. Оказывается, он ещё и разговаривает. Я решился и спросил, сам не веря, что говорю это вслух:

— Как тебя зовут?

— Черничник, — ответил он спокойно, ровно, без всякой важности, будто это самое обычное имя, как Петя или Саша. А потом добавил, глядя на меня странно, будто хотел убедить: — Но ты можешь называть меня как хочешь.

— да, конечно, — быстро сказал я. И улыбнулся. Не потому что было весело, а потому что мне хотелось, чтобы он понял: я его не боюсь. И мы пошли дальше. дома ничего не поменялось: родители спали, отсыпались после очередного бухача, дверь в их комнату была приоткрыта, оттуда тяну-

ло затхлым воздухом и запахом несвежего одеяла. В квартире стояла такая тишина, какая бывает только после сильной ссоры или сильного загула — тишина, в которой слышно, как тикают часы на кухне и как где-то капает вода из крана.

Мы сели за стол. Там лежали огурцы, помидоры — те самые, которыми вчера закусывали родители, да ещё колбаса, сыр. Питаюсь я, конечно, плохо, но сейчас я будто хотел сделать всё как у людей: налил воды в стакан, посмотрел на него и предложил Черничнику. — Спасибо, не надо, — тихо сказал он, чуть наклонив голову, будто ему было неловко отказывать.

Я сам выпил, чувствуя, как холодная вода чуть смывает эту странную тяжесть дня, как будто она могла смыть и ту чёрную жидкость, и испуганные лица ребят, и всё, что случилось.

И мы снова пошли гулять, потому что сидеть в этой квартире, где даже тишина была чужой, было тяжелее, чем идти рядом с монстром.

Глава 2 Первая жертва

На улице я встретил своего одноклассника. Он, на удивление, говорил со мной спокойно и даже пытался веселить — рассказывал какую-то ерунду про то, как кот учителя уронил цветок с подоконника, и сам смеялся, будто хотел, чтобы и я улыбнулся. Я почти забыл, что рядом стоит Черничник. Но одноклассник его увидел — и сразу побледнел, глаза стали большими, как у загнанного зверька. Он испугался, конечно,

но всё равно остался со мной, будто не хотел бросать меня одного с этим кошмаром.

А Черничник просто стоял и смотрел на него, как бы вычисляя: нанесёт ли он мне вред или нет, опасен или просто случайный человек на моём пути. Его взгляд был неподвижным, тяжёлым, как будто он взвешивал каждое слово, каждый жест. Потом он вдруг прервал наш разговор, просто встав между нами, словно чёрная тень.

— У него дела, — спокойно, но так твёрдо, что спорить не хотелось, сказал он однокласснику.

Тот молниеносно согласился и убежал, будто только и ждал повода сорваться с места.

Черничник повернулся ко мне и улыбнулся — не той пугающей улыбкой, когда из-за зубов течёт чёрная жидкость, а чуть мягче, будто хотел показать: «Я тебя защитил». И мы пошли дальше.

Время близилось к вечеру. Я сел делать уроки.

Черничник встал рядом. Тетрадь была открыта, ручка лежала косо, а на полях кто-то нарисовал каракулю — будто до меня тут сидел другой человек и тоже пытался не думать о плохом. Черничник пытался что-то показать, наклонился, хотел, наверное, объяснить, как лучше написать, и тут из его пальца выпала капля чёрной жидкости. Она упала прямо на страницу, растеклась тонкой змейкой, и я понял, что строчку придётся переписывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.